

Так прошло три-пять дней. Цзян Лэ почти полностью обошёл горную вершину, на которой находился, но так и не смог выбраться наружу. Эта гора была одинокой вершиной с отвесными обрывами, без единой дороги, связывающей её с внешним миром. Если смотреть вдаль, можно было увидеть только плотные облака и на далёких вершинах изредка мелькавшие человеческие фигурки, маленькие, как муравьи.

За эти несколько дней Цзян Лэ по ночам всё так же видел сны. С течением времени сны становились всё яснее, и их содержание из разрозненных обрывков постепенно сплеталось в довольно цельные воспоминания.

Вместе с воспоминаниями появлялись и изменения в теле. Цзян Лэ действительно немного вырос. И прыжки, и ходьба стали чуть легче.

Когда тот старый лекарь снова пришёл проверить пульс Цзян Лэ и оставил ещё одну коробочку, Цзян Лэ уже смог назвать его имя.

— Лекарь-женьшень?

Глаза мутировавшего женьшеня загорелись.

— Ты вспомнил?

— Кажется, немного, — очень осторожно оценил Цзян Лэ.

На его лице всё ещё было больше растерянности.

В глазах мутировавшего женьшеня появилась улыбка.

— Ничего. Не спеши, постепенно всё придёт.

Увидев, что он собирается уйти, Цзян Лэ поспешно схватил его. Краем глаза он снова взглянул на фигуру, стоявшую далеко за дверью, и тихо спросил:

— То, что я сейчас вспоминаю, это память прошлой жизни?

— Можно сказать и так.

— Но... — Цзян Лэ немного запутался, и голос его стал ещё тише. — У меня сейчас ведь есть другие родные. Я всё равно хочу вернуться в тот дом.

Понимая, что Сяо Лан на это ни за что не согласится, Цзян Лэ только беззвучно, одними

губами спросил мутировавший женьшень:

— Ты можешь вывести меня отсюда?

Мутировавший женьшень по-прежнему сохранял доброе лицо, но покачал головой очень твёрдо. Казалось, он совсем не хотел вмешиваться в это дело. Когда он на этот раз поднялся и снова пошёл прочь, Цзян Лэ уже не смог его удержать.

Цзян Лэ подпер подбородок рукой и полулёжа опустился на стол. Он вспомнил наставления матери перед отъездом, прикинул дни и всё равно почувствовал, что обязан хотя бы раз вернуться.

Он уже набрался храбрости и хотел, глядя на холодное лицо Сяо Лана, снова высказать свою просьбу, но, подняв голову к двери, обнаружил, что человек во дворе уже исчез.

— Да что это вообще... — пробормотал Цзян Лэ.

Ему ничего не оставалось, кроме как оставить попытку.

В следующие несколько дней он почти ни разу не видел Сяо Лана. Этим утром ему наконец показалось, что за воротами кто-то есть, но когда Цзян Лэ выбежал следом, снаружи снова оказалось пусто.

Цзян Лэ нахмурился. Он пнул камень под ногами. Камень тут же улетел далеко, пока не сорвался с обрыва, и снизу донёсся треск, с которым он ударился о горную стену.

У Цзян Лэ шевельнулась мысль. Он подошёл к краю обрыва. По мере того как воспоминания становились всё яснее, а тело всё сильнее, этот отвесный утёс начал вызывать у него желание попробовать.

С мыслью о том, что даже если он сорвётся, всё равно не разобьётся насмерть, Цзян Лэ разбежался и прыгнул. Тело стало лёгким, словно порыв ветра, и в следующий миг он уже оказался на узкой площадке в десятке с лишним метров ниже. Так, прыгая туда-сюда по каменной стене, Цзян Лэ наконец добрался до тропы, по которой можно было пешком пройти к другой горе.

Цзян Лэ похлопал ладонями друг о друга, а потом снова посмотрел на всё более отчётливый шрам в виде молодого ростка у себя на запястье. Он пробовал касаться его пальцем так, как было в воспоминаниях, но теперь тот уже никак не реагировал.

С его прежней смертью система фермы тоже исчезла и больше не была унаследована этим телом.

Покинув одинокую вершину, Цзян Лэ сразу ощутил, что внешний мир стал заметно оживлённее.

Его вели смутные воспоминания, и он примерно понимал, где находится. Только это место уже сильно отличалось от того, что хранилось в памяти. Его шаги остановились рядом с огромным камфорным деревом. Возле дерева стояла каменная статуя, и её черты накладывались на Вэнь Тао из воспоминаний Цзян Лэ. Тогда основное тело камфорного лавра погибло, осталась лишь ветвь, которую привезли обратно и спасли. Её посадили здесь.

Статуя была не одна. По обе стороны широкой дороги стояли десятки таких изваяний. В воспоминаниях Цзян Лэ этого не было. Он рассматривал их одно за другим, вычленяя знакомые части, и воспоминания в голове становились всё живее.

Пока Цзян Лэ стоял перед статуей и смотрел на неё, у самого уха вдруг прозвучал голос:

— Это сестра Кун, Кун Шуя.

Цзян Лэ повернул голову и увидел девушку, которая в ту ночь появлялась в подземной тюрьме. Сейчас она сидела на плече каменной статуи напротив, болтала ногами и смотрела на него.

— Я помню, — сказал Цзян Лэ.

Сяо Хэй легко спрыгнула со статуи на землю. Она огляделась по сторонам, убедилась, что Сяо Лана поблизости нет, и только тогда смело подошла к Цзян Лэ, протянув руку, чтобы ущипнуть его за щёку.

— Что ты делаешь? — Цзян Лэ отклонился назад и увернулся.

Сяо Хэй скривила губы и убрала руку.

— Тогда ты ещё не вспомнил, кто мы?

— Ты Сяо Хэй, — сказал Цзян Лэ.

Сяо Хэй пристально посмотрела ему в глаза. Убедившись, что он говорит серьёзно, она постепенно изменилась в лице. Пользуясь тем, что рядом никого нет, она быстро шагнула вперёд и обняла Цзян Лэ, пока тот не успел отреагировать. После этого она не забыла так же быстро убрать оставленный ею запах.

— Как хорошо! Мы всё время ждали, когда ты вернёшься домой.

— Но мне кажется... — Цзян Лэ не успел договорить.

Снизу, со стороны далёких ступеней, слышались приближающиеся шаги. Он повернул голову на звук и увидел, что к ним идёт группа людей.

Когда Цзян Лэ снова посмотрел назад, Сяо Хэй уже исчезла. На месте осталось только едва заметное дыхание огня, будто что-то обожгло воздух.

Странно, подумал Цзян Лэ.

Он тоже собирался избежать приближавшихся людей, но в их разговорах вдруг услышал голос, который уже слышал раньше. Это была девушка из Цзянчэна.

Из-за этого мгновенного колебания он не успел развернуться и уйти. Перед ним резко вспыхнула фигура, преградив Цзян Лэ путь.

— Кто ты? Почему появился здесь?

Хотя это место не было запретной зоной секты, оно всё равно относилось к очень важной внутренней области. Если без разрешения...

Цзян Лэ ещё не успел ответить, как в уже приблизившейся толпе раздался вскрик. Затем к нему бросилась девушка.

— Ты! Это ты! Почему ты здесь?!

— Сяо Цзюнь, что ты делаешь?

Следом за девушкой поспешила ещё одна фигура и, прежде чем она успела полностью приблизиться к Цзян Лэ, удержала её.

Е Цзюнь взволнованно указала на Цзян Лэ и сказала:

— Брат, это тот человек, который раньше спас меня в Цзянчэне.

Выражение лица Е Цяня, когда он посмотрел на Цзян Лэ, немного смягчилось. Но поскольку они находились на чужой территории, а только что он слышал, как кто-то допрашивает Цзян Лэ, он всё равно сначала посмотрел на нынешнего главу Секты Мира, ожидая его слов.

Глава Секты Мира сначала насторожился из-за того, что в секте из ниоткуда появился незнакомец. Однако, увидев лицо Цзян Лэ прямо перед собой, он застыл. Когда он родился,

Цзян Лэ уже давно не было в мире. Но как нынешний глава секты, он имел доступ ко многим старым материалам Секты Мира, знал, как выглядел Цзян Лэ, и испытывал к нему бесконечное уважение.

Теперь перед ним оказалось почти такое же лицо. Как он мог не быть потрясён? В этот миг он почти не знал, что сказать, и, почти потеряв самообладание, заикаясь, произнёс:

— Ты... отойди. Это не твоё дело.

Эти слова были обращены к ученику, который вышел расспрашивать Цзян Лэ. А вот к самому Цзян Лэ глава секты пока не решился сразу обратиться, сохраняя осторожность. Потом он подумал и вдруг понял, что всё сходится. Неудивительно. Неудивительно, что в эти дни в секте один за другим появлялись предки, которые давно жили в уединении, либо отсутствовали, либо пребывали в затворничестве. Если подумать так, всё становилось объяснимым.

— Я случайно оказался здесь. Я собирался уйти, — первым заговорил Цзян Лэ.

Только вот тайком выбраться из Секты Мира, а потом своими ногами вернуться в нынешний дом, скорее всего, было бы очень непросто. Поэтому Цзян Лэ отбросил эту мысль.

Е Цянь смотрел на выражение лица главы Секты Мира и в душе удивлялся.

Некоторое время назад Е Цзюнь самовольно ушла из дома. К счастью, она вовремя отправила сигнал о помощи. Учитывая характер младшей сестры и опасаясь, что она снова по глупости попадёт в беду, Е Цянь воспользовался связями и сам отправил её в Секту Мира.

— Брат! — Е Цзюнь взглядом подталкивала Е Цяня заговорить.

Е Цянь пришёл в себя, кашлянул и сказал:

— Этот младший брат, моя сестра сказала, что раньше в Цзянчэне ты очень помог ей. Я ещё не поблагодарил тебя. Не знаю, нужна ли тебе какая-нибудь помощь?

Е Цзюнь сказала Цзян Лэ:

— Тогда не уходи. Остайся здесь и учись вместе со мной. Мы ведь ещё можем стать одноклассниками.

Когда она говорила, щёки у неё были белыми с розовым, и на лице легко читались чувства юной девушки.

Но Цзян Лэ покачал головой.

— Эм... — глава Секты Мира наконец набрался смелости и обратился к Цзян Лэ.

В тот же миг Е Цзюнь из-за спешки протянула к Цзян Лэ руку, пытаясь схватить его за рукав и продолжить уговаривать. Но именно тогда к ним прилетел невероятно горячий огненный отблеск и с силой ударил в землю перед Е Цзюнь.

Очевидно, это было всего лишь предупреждение. Иначе при такой скорости никто бы не смог защититься.

Когда огонёк коснулся земли, он быстро отделил Цзян Лэ от остальных.

На них внезапно напали, и старейшины секты вместе с Е Цяннем мгновенно насторожились. Они попытались погасить это странное пламя. Однако даже когда Е Цянь применил водную способность и обернул ею огонь, он не смог уменьшить пламя. Напротив, словно пробудил его убийственное намерение, и огонь внезапно стал свирепее. Искры брызнули на Е Цяня и мгновенно прожгли в его руке маленькую дыру. Пламя, будто питаясь его плотью и кровью, продолжало гореть.

Е Цянь хотел рукой сбить огонь, но перенёс его на другие места, и на какое-то время боль стала совсем сильной.

Глава Секты Мира уже почувствовал, что дело плохо. Он тут же глубоко поклонился и громко сказал:

— Не знаю, чем мы разгневали старшего, но прошу старшего простить нас.

К этому моменту Цзян Лэ уже почувствовал головную боль. Он схватил кричавшего от боли Е Цяня и прямо рукой прижал тот комок огня. Пламя словно ощутило приближение Цзян Лэ и мгновенно погасло.

— С-спасибо, — Е Цянь дрожал от боли, но всё равно не забыл поблагодарить Цзян Лэ.

При этом он не понимал, почему взгляд Цзян Лэ на него, наоборот, будто был полон извинения.

Заодно Цзян Лэ ногой затоптал огонёк на земле. Затем он серьёзно сказал в пустоту:

— Всё, хватит баловаться. Быстро выходи, иначе я уйду.

Люди вокруг ничего не понимали. Только глава секты уже полностью уверился в своих догадках и едва не рухнул на колени, чтобы поклониться.

Через несколько секунд после слов Цзян Лэ рядом с ним из ниоткуда появилась высокая фигура. Лицо было холодным, а ничем не скрываемое давление вокруг почти не позволило всем присутствующим удержаться на ногах. В голове поднялась тупая боль, словно они вот-вот потеряют рассудок.

Старейшины, стоявшие здесь, тоже были мастерами нынешнего мира. Но перед пришедшим они казались муравьями.

Между Сяо Ланом и Цзян Лэ оставалось примерно расстояние в одну руку. Цзян Лэ схватил его за руку и взглядом предупредил.

Давление вокруг постепенно рассеялось, пока не опустилось до уровня, который присутствующие могли вынести.

Рука Цзян Лэ скользнула вниз, пока не сжала ладонь Сяо Лана. Затем он с извинением сказал всем:

— Простите, простите. Он только что не нарочно.

Глава секты и все присутствующие: «...»

После того как они ощутили такую разницу в силе, даже если бы он был нарочно, у них возникло бы только желание пасть ниц и поклониться. Даже у Е Цяня в страхе смешалось бесконечное возбуждение. За всю жизнь человеку редко выпадает шанс обменяться ударами с большим человеком такого уровня. Выйдешь наружу, и можно хвастаться до конца дней.

— У нас ещё есть кое-какие дела, мы пойдём.

Цзян Лэ не дал им возможности сказать больше. Он легко потянул Сяо Лана за руку, показывая, что тот должен увести его отсюда.

— Та рана...

Перед тем как голос Цзян Лэ исчез из слуха присутствующих, он успел оставить Е Цяню последнюю фразу:

— Я попрошу лекаря-женьшена посмотреть её!

Когда его снова вернули на вершину, Цзян Лэ в душе вздохнул. Отлично. Опять обратно.

Цзян Лэ не отпустил его руку и сам первым сказал:

— Нам нужно поговорить. Сядь.

— Вообще-то за эти дни я почти всё вспомнил, — сказал Цзян Лэ. — Но ты ведь тоже знаешь, сейчас у меня есть родители, есть много других родных...

Цзян Лэ ещё не договорил, а Сяо Лан уже нахмурился и одновременно попытался вытащить руку из его ладони. Выглядело так, будто он снова хочет уйти.

— Не смей уходить!

Цзян Лэ обеими руками силой прижал Сяо Лана за плечи и заставил его слушать дальше.

— Поэтому я не могу всё время оставаться здесь. Ферма исчезла. Здесь тоже уже появился новый порядок и новые правила. Это место больше не принадлежит мне.

Цзян Лэ почувствовал, как температура кожи под его руками резко упала, словно Сяо Лану только что вынесли смертный приговор.

Цзян Лэ правда боялся, что тот снова сбежит. Он стиснул зубы, подавил лёгкое смущение, наклонился и поцеловал Сяо Лана в щёку. Потом быстро продолжил:

— Поэтому я хочу спросить, можешь ли ты поехать со мной в мой нынешний дом и считать его нашим домом? Сюда мы тоже сможем иногда возвращаться.

Сяо Лан поднял голову и посмотрел на Цзян Лэ. Вдруг он протянул руки, обхватил лицо Цзян Лэ и хотел поцеловать его. Цзян Лэ поспешно отвернул голову и, запинаясь, сказал:

— Я ещё не всё вспомнил!

Сяо Лан мог только тоже поцеловать его в щёку, а потом крепко обнять.

Они некоторое время молчали. Цзян Лэ рукой легко погладил его голову и тихо сказал то, что было у него на сердце:

— Прости. Я заставил тебя ждать так долго.

Сяо Лан поднял голову, покачал ею перед Цзян Лэ и хрипло сказал:

— Спасибо, что вернулся.

— Хорошо, — Цзян Лэ посмотрел на Сяо Лана очень серьёзно. — А теперь превращайся в щенка и дай мне тебя погладить!

Звуки с одинокой вершины смутно долетали вдаль.

Сяо Хэй сидела на ветке дерева и с болью смотрела на обуглившуюся чешую у себя на руке, бормоча:

— Скряга. Ну до чего же мелочный!

Кровавая лоза висела вниз головой на дереве и небрежно сказала:

— Эти двое опять нас бросят и сбегут?

— Ха, пусть бросят. Я всё равно догоню. Я уже выяснила, сколько у него дома мисок и палочек для еды.

— Верно, догоним. Ха-ха-ха-ха.

Смех эхом разнёсся по горной долине, открывая занавес новой жизни.

<http://bllate.org/book/17649/1691225>